

Р. Ю. Почекаев

Конкуренты или партнеры? Кавказ, Оренбург и Туркестан в присоединении Средней Азии к России (конец 1860-х — начало 1880-х гг.)

В статье исследуются особенности взаимодействия региональных администраций Российской империи, принимавших участие в присоединении прикаспийских регионов Средней Азии к России, — Кавказского наместничества, Оренбургского генерал-губернаторства и Туркестанского края. Автор приходит к выводу, что на степень эффективности среднеазиатской политики Российской империи во многом влияли личные отношения глав регионов, их амбиции и претензии на ведущую роль в реализации этой политики. В отличие от оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, осознававшего, что значение его региона в присоединении Средней Азии к России все уменьшается, кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич и туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман не собирались уступать друг другу первенство в присоединении к России Восточного Прикаспия, из-за чего вступали в постоянные конфликты и допускали действия, противоречащие политике соседнего региона, в результате чего позиции России среди туркмен оказались поколебленными. При этом центральные власти Российской империи не только не стимулировали соперничество между регионами (как полагают некоторые исследователи), но и, напротив, всячески старались скоординировать их действия, превратить их в партнеров.

Ключевые слова: Российская империя, присоединение Средней Азии к России, Кавказское наместничество, Оренбургское генерал-губернаторство, Туркестанский край, антропология власти.

В процессе изучения истории Туркестанского генерал-губернаторства и его роли в присоединении Средней Азии к России большинство исследователей сосредотачиваются на статусе самого региона, на особенностях его правового положения в составе Российской империи, порой — на противоречиях между администрацией края и центральными имперскими властями. Именно в таком ракурсе отражена туркестанская проблематика в том числе и в новейших исследованиях Д. В. Васильева, Т. В. Котюковой, Е. Н. Крупенкина, М. Е. Шушковой [4; 11; 14; 35]. Вопрос же о проблемах во взаимоотношениях между Туркестаном и другими имперскими регионами, принимавшими участие в присоединении среднеазиатских территорий к империи, до сих пор остается малоизученным, хотя особенности взаимоотношений региональных администраций нередко влияли на действия отдельных государственных деятелей и военачальников и даже в какой-то мере на эффективность мер по интеграции среднеазиатских территорий в имперское политико-правовое пространство. В настоящей статье предпринимается попытка дать характеристику особенностей отношений между администрациями Кавказского наместничества, Оренбургского края и Туркестанского генерал-губернаторства с конца 1860-х по начало 1880-х гг., т.е. с периода, когда был образован Туркестанский край, ставший основным актором в среднеазиатской политике Российской империи, и до образования Закаспийской области, с появлением которой отмечается определенная упорядоченность в разграничении полномочий регионов на среднеазиатском направлении.

Нельзя сказать, что особенности взаимоотношений пограничных администраций в деятельности по присоединению Средней Азии вообще не рассматривались: наличие противоречий между кавказскими наместниками и туркестанскими генерал-губернаторами фиксируется уже современниками событий. В частности, М. А. Терентьев, участник и впоследствии крупнейший историк завоевания Средней Азии, уделил немало внимания противоречиям между Кавказом и Туркестаном, весьма обоснованно отметив, что «туркестанские деятели ревниво охраняли Хиву от попыток кавказского начальства

© Почекаев Р. Ю., 2019

утвердиться на западной границе ханства, точно так же как кавказские деятели охраняли туркмен-текинцев от заботливости туркестанского начальства» [29, с. 1]. Однако, ставя своей целью описание именно военной истории присоединения Средней Азии к России, он, естественно, не анализировал административно-правовые и тем более личностные факторы отношений двух регионов.

И. И. Аминов в исследовании по вхождению Туркмении в состав России прослеживает процесс активизации кавказской администрации в развитии российско-туркменских отношений в XIX в., ограничиваясь, впрочем, преимущественно констатацией фактов [2].

В иностранной историографии начиная с последней четверти XIX столетия получило распространение мнение, что усиление роли Кавказа на среднеазиатском направлении в рассматриваемый период происходило по воле центральных властей Российской империи. Американский журналист 1870-х гг. Ю. Скайлер (демонстрировавший крайне русофобскую позицию) заявлял, что участие Кавказского наместничества в среднеазиатской политике является попыткой обосновать наличие на Кавказе чрезмерно многочисленной армии [37, р. 378]. Историк Р. Пирс считал, что имперские власти поддерживали действия кавказских наместников в Средней Азии, чтобы не допустить сосредоточения всей среднеазиатской политики России в руках одних только туркестанских генерал-губернаторов [36, р. 38].

Ниже на основе анализа официальной переписки центральных и региональных властей Российской империи, записок современников и результатов ранее проведенных исследований мы намерены показать, что противоречия между регионами в процессе присоединения Средней Азии отнюдь не были продуктом политики центральных имперских властей и во многом объяснялись личными качествами, позициями и претензиями самих глав региональных администраций. Кроме того, представляется целесообразным проследить, как эти противоречия сказались на эффективности отдельных направлений среднеазиатской политики Российской империи и ее отношений с правителями самих среднеазиатских владений, в частности Хивинского ханства и «Вольной Туркмении».

Рассматриваемый период с точки зрения управления регионами, отношения которых нас интересуют, характеризуется, можно сказать, уникальной стабильностью. В самом деле, с конца 1860-х до начала 1880-х гг. во главе их бесменно находились одни и те же руководители: в Кавказском наместничестве — великий князь Михаил Николаевич (1861—1881), в Оренбургском крае — Н. А. Крыжановский (1864—1881), в Туркестанском генерал-губернаторстве — К. П. фон Кауфман (1867—1882). Несомненно, столь длительное пребывание на должностях должно было бы свидетельствовать об их компетентности и удовлетворенности центральных властей их действиями и, соответственно, стимулировать к активизации своей деятельности, в том числе и на среднеазиатском направлении. Именно это, на первый взгляд, и могло послужить причиной конкуренции регионов в присоединении Средней Азии к России. Однако соперничество между пограничными администрациями в действиях на среднеазиатском направлении началось задолго до того, как упомянутые государственные деятели возглавили регионы. Истоки противоречий, как представляется, были связаны с миграциями кочевых подданных Российской империи еще в конце XVIII — начале XIX века, в результате чего возникала проблема их подведомственности между Кавказским наместничеством и Оренбургским краем.

В самом начале XIX века было создано Букеевское ханство (Внутренняя Орда), в отношении которого не могли не столкнуться интересы двух регионов: ее правителями были казахские султаны Младшего жуза, т.е. «киргизы оренбургского ведомства», однако

располагалось оно на территории Астраханской губернии, подконтрольной Кавказскому наместничеству¹. Поэтому практически на протяжении всего времени существования Букеевского ханства главы двух регионов периодически находились в конфликте по вопросу контроля над ним, а местные правители (в особенности хан Джангир, 1824—1845) старались использовать эти противоречия для усиления собственных позиций [20].

Аналогичная ситуация сложилась и с туркменами. Хотя первоначальное вхождение отдельных родоплеменных подразделений туркмен в состав Российской империи произошло благодаря усилиям оренбургской администрации, часть туркмен на рубеже XVIII—XIX вв. перекочевала на территорию современного Ставропольского края, тем самым попав под контроль кавказской администрации [3, с. 97—98]. Это дало основание влиятельным и амбициозным кавказским наместникам претендовать на взаимоотношения с их сородичами — туркменскими племенами и родами Восточного Прикаспия. Не случайно первая официальная дипломатическая миссия в Туркмению и Хиву в XIX в. под руководством Н. Н. Муравьева была осуществлена в 1819—1820 гг. по поручению кавказского наместника А. П. Ермолова (1816—1827), разработавшего целую программу присоединения территорий Восточного Прикаспия к России [1, с. 697 и след.; 17, с. 483—500].

Еще больше активизировались действия Кавказского наместничества в Восточном Прикаспии, когда его возглавил князь А. И. Барятинский (1856—1862). Будучи сам по себе энергичным и амбициозным деятелем, он к тому же являлся близким другом императора Александра II (1855—1881), который всячески поддерживал его политику на Кавказе. Еще в 1857 г. он представил первые наработки по вопросу присоединения Восточного Прикаспия и полностью сосредоточился на нем после завершения в 1859 г. Кавказской войны [23, с. 458—461; 24, с. 187—188; 26, с. 69, 83]. Неудивительно, что его предложения встретили противодействие не менее амбициозного и влиятельного оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского (1851—1857), который сам активно действовал на среднеазиатском направлении [32, с. 89]. Когда же преемник Перовского, А. А. Катенин (1857—1860), сам предложил А. И. Барятинскому сотрудничество в деле присоединения Туркмении к России, тот, в свою очередь, не поддержал эту инициативу [23, с. 469—470].

Таким образом, как видим, конкуренция между Кавказом и Оренбургом на среднеазиатском направлении являлась, по сути, многолетней традицией. При этом в силу различных причин к началу рассматриваемого нами периода центральные власти стали все больше поддерживать кавказских наместников в ущерб оренбургским генерал-губернаторам. Одной из таких причин стало превращение Оренбуржья из пограничного региона Российской империи во «внутренний» в силу перемещения имперской границы в глубь Средней Азии. Как следствие, центральные власти стали все более урезать полномочия оренбургской администрации по взаимодействию со среднеазиатскими народами и государствами [15; 25, с. 18].

Другой причиной изменения статуса Оренбургского края в среднеазиатской политике стало личное предубеждение военного министра Д. А. Милютина (1861—1881) против его администрации, которая, как он писал впоследствии, «вообще не отличалась ни умением, ни честностью» [5, с. 219]. Неудивительно, что в таких условиях центральные власти все более и более критически оценивали способности оренбургского руковод-

¹ Мы используем термин «Кавказское наместничество», потому что в рассматриваемый период именно оно являлось официальным названием этой административно-территориальной единицы Российской империи. Применение его к более ранним периодам является условным, поскольку в разное время она называлась либо Кавказской областью, либо Кавказской губернией и т.д., а возглавляли ее губернаторы, военные губернаторы, главноуправляющие Кавказом и т.д.

ства обеспечить спокойствие в подконтрольных ему кочевых регионах. Поэтому когда на Мангышлаке в 1869—1870 гг. произошло восстание казахов, недовольных последствиями реформы степных областей 1868 г., центральные власти приняли решение передать полуостров под контроль Кавказского наместничества, мотивировав это тем, что кавказские войска могут быть более оперативно переброшены в этот регион, чем оренбургские. В результате в 1870 г. Мангышлакское приставство с центром в Форте-Александровском было отделено от Уральской области Оренбургского края и передано под контроль дагестанского военного губернатора [2, с. 172, 174; 5, с. 323; 18, с. IV]. Тот же Милютин впоследствии с удовлетворением констатировал: «В оренбургских степях, с тех пор как Мангышлакский полуостров поступил в заведование кавказского начальства, водворилось полное спокойствие» [5, с. 540].

Наконец, самой главной, по-видимому, причиной утраты Оренбургским краем статуса активного участника среднеазиатской политики стало образование Туркестанского генерал-губернаторства, ставшего новой пограничной административно-территориальной единицей Российской империи в Средней Азии, в связи с чем его первому начальнику К. П. фон Кауфману были предоставлены экстраординарные полномочия в отношении среднеазиатских народов и государств, что позволяет современным исследователям характеризовать его как «первого в истории российского “вице-короля”» [26, с. 107]¹. Эти особенности статуса первого начальника Туркестанского края и позволили ему в течение всего срока пребывания на должности претендовать на верховное руководство среднеазиатской политикой империи и, как мы увидим ниже, достаточно жестко реагировать на попытки других регионов посягнуть на его «монополию».

Однако во главе Кавказского наместничества в это время стоял руководитель с не менее специфическим статусом — великий князь Михаил Николаевич², родной брат императора Александра II. Обладая особыми полномочиями в качестве и члена императорской семьи, и кавказского наместника, он «унаследовал» от своих предшественников и претензии на активное участие в среднеазиатской политике. К. П. фон Кауфман при всех своих полномочиях не мог не считаться с императорским братом, поэтому поначалу пытался занять компромиссную позицию, которая нашла отражение в вопросе по строительству города Красноводска.

Сама идея возведения на восточном берегу Каспийского моря (в Красноводском заливе) укрепленного города, через который можно было бы поддерживать отношения с туркменами, укрепляя российское присутствие в регионе, возникла у Кауфмана, который озвучил ее в рапорте военному министру Милютину в июне 1869 г., отметив и его значение в экспедиции против Хивинского ханства, которую он допускал с самого начала своего назначения в Туркестан³. Однако поскольку в это время его основное внимание было сосредоточено на проблемах в Бухарском эмирате⁴, Кауфман с готовностью предо-

¹ По мнению И. И. Аминова, статус К. П. фон Кауфмана не был уникальным и практически аналогичные полномочия в середине 1860-х гг. были предоставлены Н. А. Крыжановскому [2, с. 173—174]. Однако это не подтверждается официальными правовыми актами (как это было в отношении Кауфмана) и, кроме того, противоречит вышеупомянутому критическому отношению центральных властей к оренбургской администрации.

² И в военной иерархии великий князь был выше, чем туркестанский генерал-губернатор: с 1852 г. он являлся генерал-фельдцейхмейстером, т.е. генералом от артиллерии, тогда как К. П. фон Кауфман получил равный ему чин инженер-генерала лишь в 1874 г., причем в 1878 г. Михаил Николаевич вновь «обошел» его, став генерал-фельдмаршалом.

³ Ф. Т. Тухтаметов полагает, что и само основание Красноводска было осуществлено непосредственно под руководством Кауфмана [21, с. 29].

⁴ В 1868—1869 гг. туркестанские войска оказывали поддержку бухарскому эмиру Музаффару (1860—1885), только что признавшему российский протекторат, в его противостоянии с собственным мятежным сыном Абдул-Маликом и поддерживавшими его беками-сепаратистами.

ставил Кавказскому наместничеству руководство созданием Красноводска. Правда, при этом он порекомендовал включить в состав отряда, которому предстояло высадиться в Красноводском заливе, своего штабного офицера Н. Г. Столетова, которого прочил на роль начальника штаба этого отряда — тем самым он показывал, что намерен держать процесс возведения Красноводска под контролем [21, с. 20; 32, с. 265—266]. Со своей стороны, великий князь Михаил Николаевич также выказал уважение Кауфману, назначив Столетова не начальником штаба, а вообще начальником отряда¹. Кроме того, кавказский наместник и туркестанский генерал-губернатор единодушно выступили против предложения Министерства иностранных дел о переносе сроков экспедиции с 1869 на 1870 г., чтобы можно было заранее уладить возможные противоречия с Англией [10, с. 283; 32, с. 267]. Непосредственно перед началом экспедиции Михаил Николаевич в своей инструкции Столетову специально указал: «Войти, при первой возможности, в связь с туркестанским начальством, послав для того через Усть-Урт к Казалинску заслуживающих доверия лиц из туземцев» [12, с. 51].

Однако на этом начавшееся, казалось бы, конструктивное взаимодействие Кавказа и Туркестана, по сути, завершилось и каждая сторона стала действовать практически самостоятельно, не информируя другую о своих действиях. Н. Г. Столетов, высадившись в Красноводском заливе 5 ноября 1869 г., направил рапорт и в Тифлис, и в Ташкент, но по какой-то причине Кауфман не получил его своевременно: в рапорте военному министру от 18 января 1870 г. он жаловался, что узнал о высадке из «Русского инвалида». Тем не менее генерал-губернатор продолжал считать, что именно ему принадлежит верховенство в среднеазиатской политике: «Красноводская экспедиция находится в зависимости от меня и в тесной связи с действиями, из Ташкента происходящими» [21, с. 26, 43—44].

Впрочем, и Столетов очень скоро исправил свою первую оплошность и в течение своего нахождения на посту начальника Красноводского отряда (1869—1871) постоянно взаимодействовал с Кауфманом. Неудивительно, что это не понравилось в. кн. Михаилу Николаевичу: в своих воспоминаниях Д. А. Милютин упоминает Столетова как «навлекшего почему-то на себя неудовольствие кавказского начальства» и сообщает, что в 1871 г. его в Красноводске заменил полковник В. И. Маркозов — уже прямой ставленник кавказского наместника [5, с. 323, 540].

Важнейшим этапом в укреплении российских позиций в Восточном Прикаспии стал поход на Хиву 1873 г., во время организации и осуществления которого также отчетливо проявились противоречия между Кавказом и Туркестаном. Как и основание Красноводска, идея похода была разработана К. П. фон Кауфманом. Однако в 1871—1872 гг. его внимание вновь было отвлечено событиями на востоке подведомственного ему края — на этот раз в Илийском крае (Кульдже), который был временно присоединен к России в 1871 г., и в Восточном Туркестане, правитель которого Якуб-бек проводил весьма неопределенную политику, лавируя между Россией и Англией. Поэтому лишь к 1873 г. план похода на Хиву был окончательно разработан и одобрен центральными властями, в том числе и лично императором. Руководство походом было поручено, естественно, К. П. фон Кауфману [5, с. 543]. Однако и на этот раз в. кн. Михаил Николаевич не пожелал оставаться в стороне от среднеазиатской политики и при обсуждении плана заявил, что без участия его отрядов в походе само пребывание кавказских войск на восточном берегу Каспийского моря видится бесполезным. Более того, он намекнул, что кавказские отряды должны действовать самостоятельно и не будет ничего страшного, если они доберутся до

¹ Правда, в записке императору Александру II от 16 августа 1869 г. кавказский наместник объяснил причины назначения полковника Столетова начальником отряда тем, что отряд был слишком невелик, да и сама экспедиция — «небольшой важности», чтобы назначать ее руководителем генерала [23, с. 535].

Хивы быстрее, чем основной туркестанский отряд: мол, тем самым они облегчат задачу остальным войскам [16, с. 1].

В результате в поход наряду с туркестанским и оренбургским отрядами выступили два кавказских — из Красноводска и Мангышлака, причем с самого начала их действия не были согласованы с К. П. фон Кауфманом. В результате Красноводский отряд В. И. Маркозова вообще не добрался до Хивы, поскольку его начальник считал выбранный путь следования непроходимым и вернулся с полпути обратно, проигнорировав адресованные ему предписания Кауфмана [28, с. 242]. Характерно, что кавказский наместник не только не осудил его за неподчинение командующему экспедицией, но и в специальном приказе выразил благодарность за то, что тот отступил: «Сожалея, вместе с вверенной мне армией, о неблагоприятно сложившихся обстоятельствах, лишивших Красноводский отряд возможности воспользоваться плодами трехлетней отличной службы кавказских войск в Закаспийском крае, я не могу не отдать должной дани уважения заслугам сего отряда, в особенности замечательной твердости и самоотвержению, с какими переносились им неимоверные труды и лишения, неистощимой энергии и рвению его в борьбе с препятствиями. Он отступил лишь перед явной невозможностью» [16, с. 207—208; 27, с. 359—360].

Еще больше проблем доставил Кауфману Мангышлакский отряд под командованием полковника Н. П. Ломакина. Соединившись с оренбургским отрядом генерала Н. А. Веревкина, уже на подступах к Хиве он вступил в сражение с защитниками столицы ханства, хотя в то же самое время командующий экспедицией сумел заключить с хивинцами перемирие и уже без боя вошел в город с противоположной стороны. Недовольство Кауфмана усугублялось еще и тем, что активную роль в завязывании сражения сыграл его собственный подчиненный — подполковник М. Д. Скобелев, прикомандированный к мангышлакскому отряду вроде бы для того, чтобы обеспечить согласованность его действий с основными силами экспедиции [6, с. 219—220]. Сразу после вступления всех войск в Хиву туркестанский генерал-губернатор постарался принять меры против дальнейших проявлений неповиновения: он разделил оренбургский и мангышлакский отряды, приказав последнему расположить свой лагерь непосредственно рядом с туркестанскими подразделениями [19, с. 145].

О поведении приданных ему отрядов К. П. фон Кауфман доложил военному министру Д. А. Милютину. Любопытно, что всю вину за самовольно начатое сражение он возложил на Н. А. Веревкина — генерал-лейтенанта и атамана Уральского казачьего войска, которому «хотелось увенчаться лаврами победы», умолчав о роли Н. П. Ломакина [7, с. 37—38]. Можно предположить, что руководителю экспедиции не хотелось еще больше обострять отношения с могущественным кавказским наместником.

Взятие Хивы и признание ее ханом российского протектората существенно изменили ситуацию в Восточном Прикаспии, стимулировав еще большую активность российских властей по укреплению своих позиций в этом регионе. На территориях, отторгнутых у ханства по условиям мирного договора, возникло два военных отдела: Амударьинский в составе Туркестанского края (с полковником Н. А. Ивановым во главе) и Закаспийский в составе Кавказского наместничества (примечательно, что возглавил его Н. П. Ломакин, проявивший самоволие в походе 1873 г.)¹. Именно к этому времени напрямую и относит-

¹ В современных исследованиях по-разному оценивается степень сходства и различий в организации и деятельности двух военных отделов. Одни авторы полагают, что при создании Амударьинского отдела К. П. фон Кауфман опирался на опыт Кавказского наместничества в создании «военно-народного управления» и старался учесть местные традиции [14, с. 111, 121]. Другие же исследователи придерживаются прямо противоположной точки зрения, считая, что Кауфман принципиально отказался от учета местных традиций, изначально взяв курс на интеграцию населения отдела в имперское политико-правовое пространство и, соответственно, распространение на него общеимперских принципов управления и правового регулирования отношений [2, с. 187; 4, с. 364].

ся процитированная выше фраза из труда М. А. Терентьева об особенностях отношений Кавказа и Туркестана в Восточном Прикаспии: номинально считалось, что Амударьинский военный отдел отвечает за контроль над Хивинским ханством, тогда как Закаспийский военный отдел сосредотачивается на отношениях с туркменами Ахалтекинского и Мервского оазисов¹. Однако, как и прежде, руководители обеих администраций через своих подчиненных старались расширить сферу своего влияния в регионе.

Для этого и в. кн. Михаил Николаевич, и К. П. фон Кауфман позволили соответственно Н. П. Ломакину и Н. А. Иванову совершать рейды в глубь туркменских и хивинских владений для обеспечения миролюбивого поведения прикаспийских кочевников в отношении российских пограничных владений. В результате в апреле 1875 г. император был вынужден поручить военному министру направить предписание и кавказскому наместнику, и туркестанскому генерал-губернатору, чтобы те отказались от дальнейшего продвижения в регионе, поскольку любые такие действия способны вызвать очередной виток обострения отношений с Англией [21, с. 183—184]. Правда, Кауфман, по-видимому, не слишком скрупулезно выполнял это предписание: в своем рапорте Милютину от 5 июля 1875 г. он сообщает о действиях Амударьинского отдела против агрессивных хивинских туркмен, рекомендуя военному министру позволить аналогичные действия и Закаспийскому отделу в отношении текинцев, грабивших торговые караваны, следовавшие из Красноводска в Хиву. На себя же он был готов принять контроль за тем, чтобы русские отряды действовали в районе Ахалтекинского оазиса и не давали повода англичанам обвинять русских в движении к Мерву. На этот раз военный министр не поддержал его инициативу [21, с. 248—249; 28, с. 307—308].

Вместе с тем именно соперничество с Кавказом заставляло К. П. фон Кауфмана последовательно отстаивать идею сохранения номинальной независимости Хивинского ханства и отказа от его окончательного включения в состав империи. Сам он объяснял свою позицию тем, что, если Хива войдет в состав России, второстепенный «туркменский вопрос» станет «прямым и непосредственным» [21, с. 257]. Но при этом он, конечно же, недоговаривал, что в случае такого развития событий полный контроль над Восточным Прикаспием, включая и Хиву, и Туркмению, перейдет к Кавказскому наместничеству.

Местоположение Амударьинского отдела, несмотря на его официальную подведомственность Ташкенту, вызывало некоторую неопределенность в действиях его начальника. Весьма характерно она проявилась в послании полковника Иванова генералу Ломакину от 19 марта 1876 г. по поводу взаимоотношений с туркменами-текинцами: «Если администрация Кавказа выработала какой-либо новый путь, более рациональный к достижению этих желанных результатов, то, вероятно, Ваше превосходительство не откажете мне его сообщить; до тех пор я могу в своих сношениях по этому поводу с ханом хивинским руководствоваться только теми указаниями, которые мне преподаны главным начальником Туркестанского края» [21, с. 220—221]. Как можно увидеть, туркестанский военный чиновник выражает готовность следовать распоряжениям администрации Кавказа, несмотря на то что имеет распоряжения своего непосредственного начальника!

Со своей стороны, Кауфман время от времени не упускал случая подчеркнуть опыт своих подчиненных и отсутствие такового у кавказских войск в Восточном Прикаспии.

¹ Любопытно отметить, что, одобрив разработанное и утвержденное К. П. фон Кауфманом «Временное положение об управлении Амударьинским округом» 1873 г., Милютин ввел аналогичное «Временное положение об управлении Закаспийским краем» от 15 марта 1874 г. «в виде опыта», причем в специальном примечании особо оговаривалось, что «подробное разграничение отдела с Уральской областью и Хивинским ханством устанавливается по соглашению главнокомандующего Кавказской армией с генерал-губернаторами Оренбургским и Туркестанским» [18, с. IV; 22, с. 90—91; 30, с. 53; 31, с. 31—32].

Например, когда в 1878 г. враждебные отношения с Англией достигли своего пика и все чаще стали в очередной раз поговаривать об организации российской экспедиции в Британскую Индию, туркестанский генерал-губернатор предложил несколько вариантов «подстраховки» кавказского отряда за счет собственных войск, подчеркивая, что отряд под командованием Ломакина, скорее всего, самостоятельно не доберется до места назначения [21, с. 664]. Вероятно, именно с его слов военный министр Милютин оценивал дела в Закаспийском крае как «не совсем утешительные» и выражал недовольство действиями кавказских властей [8, с. 491].

Между тем постоянные враждебные действия туркмен-текинцев вынудили российские власти поднять вопрос о захвате Ахалтекинского оазиса. В. кн. Михаил Николаевич увидел в этом новую возможность усилить свою роль в среднеазиатской политике и выступил с инициативой об увеличении присутствия кавказских войск в Восточном Прикаспии. Однако против этого возразил полковник Главного штаба А. Н. Куропаткин, в течение многих лет являвшийся подчиненным К. П. фон Кауфмана: по его словам, предыдущий опыт действий российских войск в Средней Азии (причем преимущественно туркестанских!) демонстрирует способность небольших отрядов побеждать многочисленные войска местных правителей [21, с. 397].

Как известно, первый поход на Ахал-Теке под командованием Н. П. Ломакина закончился поражением русских войск, что произвело крайне удручающее впечатление и на военное командование, и на центральные власти Российской империи¹. В феврале 1880 г. военный министр Милютин провел межведомственное совещание, на котором начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден вообще предложил вывести российские войска из Восточного Каспия. Лишь благодаря красноречию М. Д. Скобелева было принято решение о повторной экспедиции [9, с. 159—160, 166—167].

Поставленный во главе Ахалтекинской экспедиции Скобелев, формально подчинявшийся кавказскому наместнику, все же не мог не выразить уважения своему бывшему начальнику Кауфману и предложил ему принять участие в походе. В рапорте военному министру от 31 октября 1880 г. генерал-губернатор, ссылаясь на его просьбу, предлагал «дать возможность туркестанцам принять участие в покорении оазиса». Однако, по-видимому, он не забыл позиции в. кн. Михаила Николаевича во время организации Хивинского похода 1873 г. и на этот раз увидел возможность отплатить ему тем же: он приказал начальнику Амударьинского отдела выдвинуть отряд на соединение со Скобелевым, но двигаться маршрутом, отличным от предложенного им, и не видел ничего страшного в том, если отряд опоздает на соединение с основными силами экспедиции [21, с. 481—482, 483]. В конечном счете туркестанский отряд не только вовремя соединился с войсками Скобелева, но и весьма активно проявил себя во время экспедиции [22, с. 140—168].

Результатом экспедиции стало присоединение Ахал-Теке к России и образование Закаспийской области, официально подчиненной кавказской администрации. Полагаем, в значительной степени это решение объяснялось изменением расстановки сил в пограничных администрациях: К. П. фон Кауфмана в конце марта 1881 г. разбил паралич (из-за потрясения, связанного с гибелью императора Александра II), а в июле того же года в. кн. Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного совета, соответственно покинув пост кавказского наместника, причем и само наместничество было упразднено [24, с. 201—202; 33, с. 118]. Таким образом, определенность в отношениях

¹ Не принявший участия в организации этого похода Кауфман, тем не менее, внимательно следил за действиями Ломакина, о которых ему регулярно докладывал начальник Амударьинского отдела полковник Гротенхельм [21, с. 426].

Кавказа и Туркестана наступила лишь после того, как сошли с политической сцены руководители обеих администраций, обладавшие особыми полномочиями.

Но вернемся к вопросу об участии Оренбургского края в среднеазиатской политике. Как отмечалось выше, его роль на этом направлении существенно снизилась, однако продолжалась еще некоторое время. Во многом это было связано с тем, что оренбургские генерал-губернаторы сумели создать развитую сеть информаторов и среди кочевых племен, и непосредственно в Хивинском ханстве и получаемые от них сведения были весьма полезны как кавказским, так и туркестанским властям. Сам Н. А. Крыжановский получал информацию от военного губернатора Уральской области, наиболее тесно взаимодействовавшего с кочевыми подданными империи — казахами и туркменами, и оперативно делился ею с руководителями соседних регионов и с Петербургом [21, с. 47—48, 464—465; 23, с. 524—525; 32, с. 299—300]. Не исключаем, что тем самым последний оренбургский генерал-губернатор стремился показать значимость своего региона в процессе присоединения Средней Азии к Российской империи. Но если для региональных администраций его сведения и представляли ценность, то в Петербурге к ним относились гораздо более скептически и не доверяли заверениям оренбургского генерал-губернатора о враждебных намерениях Хивы и подвластных ей кочевников [32, с. 274].

До формального закрепления полномочий Кавказского наместничества в Восточном Прикаспии (после возведения Красноводска и передачи ему Мангышлака) оренбургские власти наряду с туркестанскими продолжали принимать участие в противостоянии набегам кочевников на российские границы и торговые караваны: направляли отряды в степь, возводили пограничные укрепления и пр. [5, с. 219—220].

Действия оренбургских воинских подразделений в Хивинском походе 1873 г. стали, по-видимому, последним опытом участия Оренбурга в присоединении Средней Азии к России. Выше мы уже отмечали самовольные действия генерала Веревкина при взятии Хивы, однако ими его показательная независимость от Кауфмана не ограничивалась: еще во время следования на столицу ханства он от своего имени рассылал хивинским кочевникам воззвания с призывом отказаться от поддержки хану и признать власть «белого царя» [34, л. 1—2]. Вряд ли его действия были санкционированы Н. А. Крыжановским, который всегда находился в конструктивных взаимоотношениях с К. П. фон Кауфманом. Однако они также вписываются в попытки оренбургской администрации подчеркнуть, что она продолжает оказывать влияние на имперскую политику в Средней Азии.

Еще один шанс активно поучаствовать в среднеазиатских делах Крыжановский увидел во время вышеупомянутой подготовки к «походу на Индию» в 1878 г. В отличие от других участников обсуждения планов похода, предлагавших ограничиться демонстрацией англичанам своих намерений в формате небольших отрядов, оренбургский генерал-губернатор заявил, что такие действия не позволят достичь поставленной цели, и, со своей стороны, предложил масштабное наступление силами не менее 150 тыс. солдат из всех пограничных регионов, включая и Оренбургский край [21, с. 333, 335].

Таким образом, можно отметить, что, сохраняя статус генерал-губернаторства, Оренбург «по инерции» продолжал принимать участие в среднеазиатской политике. При этом Н. А. Крыжановский никоим образом не пытался конкурировать с Кавказом или Туркестаном, ограничиваясь тем, что периодически демонстрировал свою «полезность» на этом направлении.

Противоречия региональных администраций в Средней Азии были очевидны не только для российских властей различных уровней, но и для среднеазиатских правителей, в первую очередь — для хивинского хана Мухаммад-Рахима II (1864—1910). Подобно тому как букеевский хан Джангир в свое время пользовался соперничеством кав-

казской и оренбургской администрации для усиления собственных позиций, хан Хивы пытался сыграть на противоречиях (реальных или мнимых) Кавказа, Оренбурга и Туркестана. Так, когда К. П. фон Кауфман стал во главе Туркестанского края, он в течение нескольких лет направлял в Хиву послания, в которых давал понять, что отныне хану следует выстраивать отношения именно с ним. Хан же постоянно игнорировал его письма, демонстративно направляя собственные послания и даже посольства то кавказским властям (в Красноводск и даже в Тифлис), то оренбургским [5, с. 543; 13; 30, с. 30, 34]. Однако в отношениях с Хивой конкурирующие регионы демонстрировали единодушие и следование единой имперской политике. Результатом стало это в Хивинском походе 1873 г., после которого хан не только начал взаимодействовать исключительно с Туркестаном, но и пересылал Кауфману свою переписку с кочевыми подданными и ахалтекинскими туркменами [21, с. 475, 483].

Немалая заслуга в этом принадлежит центральным властям Российской империи, которые, как отмечалось в начале статьи, по мнению иностранных авторов, лишь разжигали соперничество между Кавказом и Туркестаном. Обратившись к переписке Петербурга с пограничными администрациями, мы обнаруживаем совершенно противоположную картину.

Так, уже в конце 1870 г. канцлер князь А. М. Горчаков переслал кавказскому наместнику всю переписку, которую Министерство иностранных дел и администрация Туркестанского края вели с Хивой, рекомендовав реагировать на инициативы хивинских властей соответственно. Те же самые указания были направлены и в Оренбург, руководители администрации которого, в свою очередь, отчитывались перед военным министерством о том, что выдвигают хивинским послам те же условия, принятия которых от Хивы требовал и Кауфман [22, с. 52, 56].

Все стратегические решения по вопросам имперской политики в Прикаспии Военное министерство также обсуждало и согласовывало со всеми пограничными администрациями, имеющими интересы в данном регионе. Д. А. Милютин регулярно проводил межведомственные совещания с участием либо глав администраций, либо их доверенных лиц [9, с. 22—23, 166—167; 30, с. 35]. Также он пересылал сведения о Восточном Прикаспии, полученные из Туркестана, кавказскому наместнику, а сведения с Кавказа — туркестанскому генерал-губернатору [21, с. 402].

Как видим, центральные власти Российской империи прилагали все силы к обеспечению единства своей политики в Средней Азии и все имевшие место конфликты и разногласия на данном направлении между региональными администрациями являлись следствием не их целенаправленного вмешательства, а именно личностных особенностей и позиций руководителей пограничных регионов.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения между тремя пограничными регионами, вернее их администрациями, касающиеся Восточного Прикаспия, носили противоречивый характер. С одной стороны, главы Кавказского наместничества и Туркестанского края видели друг в друге конкурентов в борьбе за влияние в этом регионе, стремясь наиболее активно проявить себя, сыграть значительную роль в присоединении среднеазиатских территорий к Российской империи. С другой стороны, благодаря усилиям центральных имперских властей по многим вопросам им удавалось действовать совместно, что существенно повышало эффективность политики России в Средней Азии. Соперничество пограничных администраций за контроль над Восточным Прикаспием, как мы выяснили, имело давний характер, стало своего рода традицией. Однако столь острое противостояние в рассматриваемый период, как представляется, во многом объясняется именно личными амбициями двух руководителей регионов с особым статусом

и непростыми характерами — в. кн. Михаила Николаевича и К. П. фон Кауфмана. Это наблюдение подтверждается и тем фактом, что Оренбург, ранее успешно конкурировавший с Кавказом за контроль над казахскими и туркменскими подданными империи, в лице таких начальников, как П. К. Эссен или В. А. Перовский, в этот период все больше и больше устранился от среднеазиатской политики, имея во главе куда менее амбициозного Н. А. Крыжановского, стремившегося лишь сохранить Оренбург в качестве участника среднеазиатской политики — пусть даже и второстепенного.

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-01-0005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018—2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

Список использованных источников и литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI. Ч. II. Тифлис : Типография Главного управления наместника Кавказского, 1875. 950 с.
2. Аминов И. И. Организационно-правовые основы становления и развития российско-туркменских отношений (1714—1917 гг.). М. : Юрлитинформ, 2017. 344 с.
3. Брусина О. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. № 1. С. 95—128.
4. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
5. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л. Г. Захаровой. 1868 — начало 1873. М. : РОССПЭН, 2006. 734 с.
6. Глуценко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М. : XXI век — Согласие, 2001. 464 с.
7. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873—1875 / под ред. Л. Г. Захаровой. 2-е изд., доп. и испр. М. : РОССПЭН, 2008. 440 с.
8. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876—1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. 2-е изд., доп. и испр. М. : РОССПЭН, 2009. 702 с.
9. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879—1881 / под ред. Л. Г. Захаровой. 2-е изд., доп. и испр. М. : РОССПЭН, 2010. 598 с.
10. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.
11. Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
12. Красноводский отряд в 1869—1870 годах // Военный сборник. 1872. № 3. С. 45—70.
13. Крупенкин Е. Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867—1870 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 101—104.
14. Крупенкин Е. Н. Туркестан в составе Российской империи (1865—1917 гг.): от военно-административного управления к гражданско-административному : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. 190 с.
15. Любичанковский С. В. Имперский опыт управления культурно-гетерогенным пространством в северной зоне Арало-Каспийского макрорегиона // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (г. Актобе, 14—18 сент. 2011 г.). Алматы ; Актобе : Арыс, 2011. С. 86—90.
16. Материалы для описания Хивинского похода 1873 года. Описание действий кавказских отрядов / под ред. В. Н. Троицкого. Ташкент : Типография Ф. В. Базилевского, 1881. 208 с.
17. Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX—XVIII вв.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 512 с.
18. Обзор Закаспийской области за 1899 год. Асхабад : Типография штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса, 1900. VII, 349 с., прил.
19. Описание действий оренбургского отряда в хивинскую экспедицию 1873 г. / под ред. В. Н. Троицкого. [Б. м., 1881]. 161 с.
20. Почекаев Р. Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной си-

стемы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII—XX вв. : сб. науч. тр. Уфа ; Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 73—86.

21. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад : Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 824 с.
22. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад : Туркменское гос. изд-во, 1946. 327 с.
23. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1963. 585 с.
24. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
25. Семенова Н. Л. Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 7—22.
26. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Тов-во науч. изданий КМК, 2012. 454 с.
27. Струков Д. П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания его императорского высочества. СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1906. XXI, 752 с.
28. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб. : Типо-литография В. В. Комарова, 1906. XII, 547 с.
29. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб. : Типо-литография В. В. Комарова, 1906. XII, 496, 30 с.
30. Тухтаматов Т. Г. Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значения для Хорезмского оазиса). Нукус : Каракалпакстан, 1977. 151 с.
31. Тухтаматов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века. Уфа : Изд-во Башк. гос. ун-та, 1999. 215 с.
32. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М. : Наука, 1965. 468 с.
33. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
34. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-125 : Канцелярия хивинского хана. Оп. 1. Д. 318.
35. Шушкова М. Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 314 с.
36. Pierce R. A. Russian Central Asia 1867—1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1960. VIII, 359 p.
37. Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 2. London : Scribner, Armstrong & Co., 1877. IX, 463 p.

Поступила в редакцию 14.02.2019

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 Российская Федерация, 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17
 E-mail: rpochekaev@hse.ru

UDC 94(47)“186/188”

R. Yu. Pochekaev

Competitors or partners? The Caucasus, Orenburg and Turkestan in accession of Central Asia to Russia (end of 1860s — beginning of 1880s)

The article is a study of specific interaction between regional administrations of the Russian Empire which participated in the accession of Caspian Sea regions of Central Asia to Russia — Caucasian *namestnichestvo* (region ruled by governor general), Orenburg Governor-Generalship, Turkestan Governor-Generalship. The author finds that the effectiveness of Russian imperial policy in Central Asia depended in many respects on the personal relations of regional rulers, their ambitions and pretensions on the key role in the realization of this policy. Orenburg governor general N. A. Kryzhanovskiy understood that the role of his region in the accession of Central Asia to Russia was quickly diminishing, while Caucasian governor general Grand Prince Mikhail Nikolaevich and Turkestan governor general K. P. von Kaufman, on the contrary, competed for leadership in the accession of the Eastern Caspian region to Russia and didn't want to concede; their conflicts resulted in actions contradictory to the position of the neighboring region and, finally, in weakening of the position of Russia among Turkmen. At the same time state authorities didn't stimulate the confrontation of the regions (as some researchers suppose), but attempted to coordinate their actions to change them into partners.

Key words: the Russian Empire, accession of Central Asia to Russia, Caucasian *namestnichestvo*, Orenburg Governor-Generalship, Turkestan Governor-Generalship, anthropology of power.

Pochekaev Roman Yulianovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
National Research University Higher School of Economics
Russian Federation, 198099, St. Petersburg, ul. Promyshlennaya, 17
E-mail: rpochekaev@hse.ru

References

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. VI. Part. II. Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo Publ., 1875. 950 p. (In Russian)
2. Aminov I. I. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya rossiisko-turkmenskikh otnoshenii (1714—1917 gg.)* [Organizational and legal foundations of the formation and development of Russian-Turkmen relations (1714—1917)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 344 p. (In Russian)
3. Brusina O. *Etnicheskaya gruppa v mnogonatsional'nom okruzenii: polevye issledovaniya sredi turkmen Yuga Rossii* [An Ethnic Group in a Multiethnic Environment: Field Research Among the Turkmen of Southern Russia]. *Diaspory*, 2012, no. 1, pp. 95—128. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of the empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 638 p. (In Russian)
5. *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1868 — nachalo 1873* [Memories of general field marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1868 — the beginning of 1873]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 734 p. (In Russian)
6. Glushchenko E. A. *Geroi Imperii. Portrety rossiiskikh kolonial'nykh deyatelei* [Heroes of the Empire. Portraits of Russian colonial figures]. Moscow, XXI vek — Soglasie Publ., 2001. 464 p. (In Russian)
7. *Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1873—1875. 2-e izd.* [Diary of general field marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1873—1875. 2nd ed.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 440 p. (In Russian)
8. *Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1876—1878. 2-e izd.* [Diary of general field marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1876—1878. 2nd ed.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 702 p. (In Russian)
9. *Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1879—1881. 2-e izd.* [Diary of general field marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1879—1881. 2nd ed.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 598 p. (In Russian)

10. Kinyapina N. S., Blied M. M., Degoev V. V. *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnei politike Rossii. Vtoraya polovina XVIII — 80-e gody XIX v.* [The Caucasus and Central Asia in Russia's foreign policy. The second half of the XVIII — 80s of the XIX century]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 1984. 328 p. (In Russian)
11. Kotyukova T. V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Exceptional position of the outskirts... Turkestan on the eve of drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. 391 p. (In Russian)
12. Krasnovodskii otryad v 1869—1870 godakh [Krasnovodsk detachment in the years of 1869—1870]. *Voenni sbornik*, 1872, no. 3, pp. 45—70. (In Russian)
13. Krupenkin E. N. Politicheskie otnosheniya Rossiiskoi imperii i Khivinskogo khanstva v 1867—1870 gg. [Relations between the Russian Empire and the Khanate of Khiva in 1867—1870]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2016, no. 404, pp. 101—104. (In Russian)
14. Krupenkin E. N. *Turkestan v sostave Rossiiskoi imperii (1865—1917 gg.): ot voenno-administrativnogo upravleniya k grazhdansko-administrativnomu: dis. ... kand. ist. nauk* [Turkestan as part of the Russian Empire (1865—1917): from military to civil administration. Cand. Dis.]. Tomsk, 2019. 190 p. (In Russian)
15. Lyubichankovskii S. V. *Imperskii opyt upravleniya kul'turno-geterogennym prostranstvom v severnoi zone Aralo-Kaspiiskogo makroregiona* [The imperial experience of managing a culturally-heterogeneous territory in the northern zone of the Aral-Caspian macroregion]. *Aralo-Kaspiiskii region v istorii i kul'ture Evrazii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan (g. Aktobe, 14—18 sent. 2011 g.)* [Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia. Proceed. of the 2nd Internat. sci. conf., dedicated to the 20th anniversary of the independence of the Republic of Kazakhstan (Aktobe, Sept. 14—18, 2011)]. Almaty, Aktobe, Arys Publ., 2011, pp. 86—90. (In Russian)
16. *Materialy dlya opisaniya Khivinskogo pokhoda 1873 goda. Opisanie deistvii kavkazskikh otryadov* [Materials for the description of the Khiva campaign in 1873. Description of the actions of the Caucasian troops]. Tashkent, Tipografiya F. V. Bazilevskogo Publ., 1881. 208 p. (In Russian)
17. Niyazmatov M. *Rossiya v serdtse Azii: dialog tsivilizatsii (IX—XVIII vv.)* [Russia in the heart of Asia: a dialogue of civilizations (9th — 18th centuries)]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2013. 512 p. (In Russian)
18. *Obzor Zakaspiiskoi oblasti za 1899 god* [Overview of the Transcaspian region in 1899]. Ashkhabad, Tipografiya shtaba 2-go Turkestanskogo armeiskogo korpusa Publ., 1900. VII, 349 p. (In Russian)
19. *Opisanie deistvii orenburgskogo otryada v khivinskuyu ekspeditsiyu 1873 g.* [Description of the actions of the Orenburg detachment in the Khiva expedition in 1873]. [S. l., 1881]. 161 p. (In Russian)
20. Pochekaev R. Yu. *Mezhdru Sankt-Peterburgom, Orenburgom i Astrakhan'yu: otnosheniya Bukeevskogo khanstva s tsentral'nymi i pogranichnymi vlastyami Rossiiskoi imperii* [Between St. Petersburg, Orenburg and Astrakhan: relations of the Bukeev khanate with the central and border authorities of the Russian Empire]. *Formirovanie effektivnoi sistemy upravleniya i samoupravleniya na Yuzhnom Urale v XVIII—XX vv.: sb. nauch. tr.* [Formation of an effective system of governance and self-government in the southern Urals in the XVIII — XX centuries. Collect. of sci. works]. Ufa, Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU Publ., 2014, pp. 73—86. (In Russian)
21. *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov)* [Accession of Turkmenistan to Russia (collection of archival documents)]. Ashkhabad, AN Turkmenskoi SSR Publ., 1960. 824 p. (In Russian)
22. *Rossiya i Turkmeniya v XIX veke. K vkhozheniyu Turkmenii v sostav Rossii* [Russia and Turkmenistan in the XIX century. To the entry of Turkmenistan into Russia]. Ashkhabad, Turkmenskoe gos. izd-vo Publ., 1946. 327 p. (In Russian)
23. *Russko-turkmenskie otnosheniya v XVIII—XIX vv. (do prisoedineniya Turkmenii k Rossii)* [Russian-Turkmen relations in the XVIII — XIX centuries (before the accession of Turkmenistan to Russia)]. Ashkhabad, AN Turkmenskoi SSR Publ., 1963. 585 p. (In Russian)
24. *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [The Northern Caucasus as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 460 p. (In Russian)
25. Semenova N. L. *Pravitel'stvennaya politika v Orenburgskom krae v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Government policy in the Orenburg region at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 12, pp. 7—22. (In Russian)
26. Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856—1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v tsentral'noi i vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856—1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, Tov-vo nauch. izdaniy KMK Publ., 2012. 454 p. (In Russian)
27. Strukov D. P. *Avgusteishii general-fel'dtseikhmeister velikii knyaz' Mikhail Nikolaevich. Ocherk zhizneopisaniya ego imperatorskogo vysochestva* [The most august general feldzeugmeister (master of the ordnance) Grand Duke Mikhail Nikolayevich. Essay on the biography of his imperial highness]. St. Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina Publ., 1906. XXI, 752 p. (In Russian)

28. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii* [The history of the conquest of Central Asia]. Vol. 2. St. Petersburg, Tipo-litografiya V. V. Komarova Publ., 1906. XII, 547 p. (In Russian)
29. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii* [The history of the conquest of Central Asia]. Vol. 3. St. Petersburg, Tipo-litografiya V. V. Komarova Publ., 1906. XII, 496, 30 p. (In Russian)
30. Tukhtametov T. G. *Amudar'inskii otdel (Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe znacheniya dlya Khorezmskogo oazisa)* [Amudarya department (Socio-economic and political implications for the Khorezm oasis)]. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1977. 151 p. (In Russian)
31. Tukhtametov F. T. *Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossiiskoi imperii: Vtoraya polovina XIX veka* [The legal status of Turkestan in the Russian Empire: The second half of the XIX century]. Ufa, Bashk. gos. un-t Publ., 1999. 215 p. (In Russian)
32. Khalfin N. A. *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60—90-e gody XIX v.)* [The accession of Central Asia to Russia (60—90-ies of the XIX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 468 p. (In Russian)
33. *Tsentrāl'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 464 p. (In Russian)
34. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I-125: Kantselyariya khivinskogo khana. Op. 1. D. 318.
35. Shushkova M. E. *Organizatsiya upravleniya Turkestanom v nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Turkestan Management in early twentieth century. Cand. Dis.]. Moscow, 2015. 314 p. (In Russian)
36. Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867—1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1960. VIII, 359 p.
37. Schuyler E. *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. Vol. 2. London, Scribner, Armstrong & Co., 1877. IX, 463 p.